

Саморусификация белорусов в российско-белорусском приграничье в конце XIX – начале XX в.: динамика, причины, результаты

О. В. Кобец

Уже с конца XIX в. в российско-белорусском приграничье стала очевидной тенденция существенного уменьшения белорусской части населения российских регионов. При этом речь шла не о физическом сокращении числа белорусов, а об их самозачислении в состав великорусского этноса или выборе ими русского языка как родного. Этот процесс саморусификации белорусов более интенсивно проявился в 1920-е гг. Сравнительно-сопоставительный анализ общенациональных переписей населения 1897, 1920 и 1926 гг. свидетельствует об этом в полной мере. Основным мотивом перехода белорусов в великорусскую нацию и предпочтение русского языка белорусскому становились мощные модернизационные процессы, развернувшиеся в указанный период в центральных российских регионах и создававшие новые социальные лифты для белорусского крестьянства, в первую очередь из числа молодежи. Политика белорусизации 1920-х гг. в регионах РСФСР с компактным проживанием белорусов, в том числе и в российско-белорусском порубежье, на динамичных процессах саморусификации никак не отразилась.

Ключевые слова: коренизация, белорусизация, российское приграничье, великороссы, белорусы, саморусификация.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859>

Для цитирования: Кобец О. В. Саморусификация белорусов в российско-белорусском приграничье в конце XIX – начале XX в.: динамика, причины, результаты // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 24–40. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_24. EDN: CRPANW

Введение

В настоящее время, как и многие десятилетия назад, приграничными с Белоруссией являются три российских региона: Псковская, Смоленская и Брянская области. Еще по первым исследованиям середины XIX века в территориальных границах этих губерний (брянские земли большей своей частью входили тогда в состав Орловской губернии) здесь отмечалось значительное количество белорусского населения. Особенно на Смоленщине, где белорусов насчитывалось более 51 % всего населения губернии (550 тыс. чел.) [1].

Однако уже первая советская перепись населения 1920 г. показала существенное снижение численности белорусов. Еще большую динамику сокращения белорусского населения отразила перепись 1926 г. Даже в Смоленской губернии, которая в свое время полностью входила в состав белорусской государственности, численность белорусов упала до 20 тыс. чел.

Чем объяснялись такие резкие трансформации в национальном составе российских приграничных территорий? При этом в самый пик политики белорусизации. Очевидно, что связано это было не с физическим сокращением самого белорусского этноса в приграничных российских регионах, а с его саморусификацией.

Результаты саморусификации белорусов в многовекторной увязке с промышленным развитием и политикой белорусизации определили как самую научную проблему (изменение этнического состава регионов), так и предмет настоящего исследования (причисление себя к великорусскому этносу и выбор русского языка как родного). В такой постановке проблема не рассматривалась в современной и более ранней историографии.

Одним из первых этот вопрос затронул еще в 1956 г. гарвардский профессор Н. П. Вакар в работе «Белоруссия. Формирование нации» [2]. А в статье 1968 г. «Белорусский народ между государственностью и исчезновением» Вакар так комментировал отсутствие какого-либо сопротивления «систематической русификации» [3, р. 222] в 1960-е гг.: новая белорусская интеллигенция считает, что русский язык необходим и выгоден, при этом он «нисколько не делает их менее белорусами» в сравнении с теми, кто не говорит по-русски [3, р. 222]. С такой постановкой вопроса о белорусской нации совершенно не согласен современный американский историк Тимоти Снайдер,

считающий, что Россия не дала белорусскому народу развить свою национальную идентичность, в том числе и в языковом отношении, и потому, даже будучи независимым государством, Белоруссия пока так и не стала нацией [4, p. 39].

Шведский историк Перл Рудлинг одну из главных проблем, как для белорусских, так и для московских властей в ходе реализации политики коренизации усматривает в, казалось бы, простом вопросе: как можно было и нужно ли было переводить страну на белорусский язык, если она говорит на русском как на родном языке, а навязываемый ей белорусский язык не соответствовал языку их повседневного общения? [5].

В монографии активного критика позиций Пера Рудлинга Алены Марковой из Карлова университета в Праге «Путь к советской нации. Политика белорусизации (1924–1929)» [6] и ее статье 2018 г. «Язык, идентичность и нация» [7] на общем фоне развития школьного белорусского образования также проблема языковой идентичности ставится на одно из первых мест в эпоху белорусизации.

Общее направление исследований по политике белорусизации, объясняющее ее необходимость с позиций противопоставления практике полонизации в отошедших Польше в 1921 г. по Рижскому мирному договору западных белорусских землях и расширения территориальных границ за счет РСФСР, в значительной степени определяется в работах доцента МГУ им. М. В. Ломоносова Ю. А. Борисенка [8; 9], научного сотрудника ИРИ РАН К. С. Дроздова [10], научного сотрудника Института славяноведения РАН Д. А. Коротковой [11].

На Смоленщине данной тематикой активно занимаются Е. В. Кодин и О. В. Кобец [12–15], особо выделяя интенсивный процесс саморусификации смоленских белорусов, начиная с конца XIX в., который привел к такому значительному их численному сокращению, что это давало основание местным властям утверждать об отсутствии в уездах и волостях белорусов, а следовательно, и ненужности политики белорусизации.

В Псковской области вопросы белорусизации, включая языковую проблему, достаточно объемно представлены А. В. Филимоновым [16]. Органично дополняют данное исследование работы псковских географов А. Г. Манакова [17] и В. С. Дементьева [18], подчеркивающие активность процессов ассимиляции бело-

русов даже в местах компактного их проживания в границах Псковской губернии.

В Брянской губернии имели место схожие с другими приграничными регионами миграционные процессы: белорусы и украинцы предпочитали называть себя русскими, отмечается в коллективной монографии по истории Брянской области [19].

Аналогичные процессы имели место и в Сибири: в исследовании А. А. Крих, к примеру, в отношении белорусов Прииртышья говорится: «из состава национальных меньшинств белорусы ... почти совершенно обрусели, поэтому нет надобности вести среди них работу на их родном языке, да и сами они от этого отказываются ...» [20, с. 127].

В основу настоящего исследования положены главным образом статистические материалы, в первую очередь общенациональные переписи населения 1897, 1920 и 1926 гг., а также изданные на их основе статистические тематические справочники по регионам. По отдельным направлениям существенно дополняют исследование делопроизводственные архивные документы местных партийных и государственных органов власти, а также публикации в периодической печати. Значительное внимание уделено научным трудам отечественных и зарубежных ученых, причем не столько в фактологическом, сколько в оценочном аспекте.

Цели и задачи исследования предполагают выявление причин, динамики и результатов саморусификации белорусского населения, начиная с конца XIX в. и до середины 1920-х гг. Эти процессы происходили в тесной увязке с модернизационными преобразованиями в российских регионах и неизбежным ростом значения русского языка для социальных лифтов. В данном контексте настоящее исследование полностью укладывается в концепцию фронтальной модернизации. Для достижения поставленных задач исследования преимущественно использовался метод сравнительного анализа, статистический, а также описательный и историко-типологический методы.

Наработанные по разным российским регионам материалы требуют своего сравнительно-сопоставительного анализа для выявления общих тенденций и имевших место особенностей как в национальной политике в целом, так и проведении белорусизации в частности.

Результаты

Следует изначально подчеркнуть, что в настоящем исследовании речь идет не о политике русификации в отношении белорусов, как это имело место в определенной степени в имперской России, а о саморусификации, т. е. о добровольном причислении себя к русскому этносу в территориальных границах РСФСР и/или о признании русского языка своим родным, даже оставаясь при этом белорусом по этническому признаку. Динамика здесь очевидна и она значительная, при этом не только в приграничных с Белоруссией российских губерниях, но и в будущих белорусских уездах после административно-территориальных изменений 1924 и 1926 гг., а также в восточных российских регионах, начиная с Урала и заканчивая Дальним Востоком.

Наиболее показательными в этом вопросе являются результаты всесоюзной переписи населения 1926 г., состоявшейся как раз в разгар политики белорусизации. Возьмем вначале сводные данные табл. 1 по приграничным российским губерниям. В первую очередь они свидетельствуют, что к середине 1920-х гг. эти регионы становятся фактически русскими по национальному составу: и в Псковской, и в Смоленской, и в Брянской губерниях русское население составляло более 90 %. Русских же по языку было и того больше: везде свыше 97 %, включая Брянщину, где русских по национальности имелось меньше, чем у соседей – «всего» немногим более 90 %.

Таблица 1

Численность русского и белорусского населения по переписи 1926 г.
в российских приграничных регионах
(по народности и языку, человек/процентов)

Губерния	Русские		Белорусы		Всего населения
	по национальности	по языку	по национальности	по языку	
Псковская	1 695 739 94,82	1 737 517 97,15	34 277 1,92	1258 0,07	1 788 418
Смоленская	2 213 939 96,56	2 243 942 97,87	20 408 0,89	4366 0,19	2 292 712
Брянская	1 806 260 90,02	1 956 038 97,49	21 060 1,05	4716 0,24	2 006 438

Сост. по: **Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.**: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. 46–48.

Первая же всероссийская перепись населения 1897 г. давала существенно иной национальный расклад: на Смоленщине русские составляли в конце XIX в. 91,65 % населения [21, с. XVI], в Псковской губернии – 94,71 % [22, с. V]. Брянские земли в то время входили в основном в состав Орловской губернии. При этом следует иметь в виду, что в переписи вопрос ставился не об этнической принадлежности жителей, а об их родном языке. Белорусами по языку в конце XIX в. в Смоленской губернии оказалось 100 700 чел., или 6,6 % [21, с. XV], в Псковской – всего 2 247 чел., или 0,21 % [22, с. V, 48].

Во вступительной статье к 40-му тому материалов переписи делался совершенно однозначный вывод, что «Смоленская губерния может быть причислена по своему этнографическому составу к губерниям великорусским, но никак не к белорусским, так как великоруссы более чем в 13 раз превосходят численностью белорусов» [21, с. XVI]. Из всех смоленских уездов только в одном Краснинском было преобладание белорусского населения, при этом очень значительное – почти 90 % всего населения уезда. Именно здесь и были в основном сосредоточены белорусы – более 92 тыс. чел., или 91,3 % всех смоленских белорусов. Все остальные 11 уездов были великорусскими. В 1860-е же гг. «на Смоленскую губернию смотрели, как на белорусскую, определяя количество белорусского населения в 46,6 %», которое по первой переписи сократилось в семь раз. Основная причина – быстрое распространение среди белорусов русского языка [21, с. XVI].

На основе первой всероссийской переписи населения было подготовлено и опубликовано много материалов по разным «узким» аспектам полученных статистических данных. Одним из них стал изданный в 1905 г. справочный том под редакцией заведующего разработкой переписи Н. А. Тройницкого (выпуск 7) «Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков». В нем население губерний представлено по национальностям на основе выбранных самими жителями империи своих родных языков. И здесь белорусы как бы растворяются в русском населении. Их численность представлена в довольно своеобразной манере: вначале называется общая численность населения, затем из нее вычленяется население русское, и уже из этого числа

в скобках дается цифра непосредственно белорусов. Получается, что белорусы как бы изначально включены в состав русского населения империи.

Посмотрим на примере двух соседних губерний – Витебской и Смоленской. *Витебская губерния*. Всего населения 1 489 246 чел. Русские – 987 020 чел. (белорусы – 788 599). *Смоленская губерния*. Всего населения 1 525 279 чел. Далее же указана только одна позиция: русские – 1 500 006 чел., т. е. получается, что белорусов на Смоленщине как бы и нет вовсе [23, с. 11, 17, 28].

Такой формат презентации материалов получил свое развитие и в последующие годы в общероссийских статистических ежегодниках, когда в таблицах разделов о национальном составе губерний вообще отсутствовала отдельная графа – «белорусы». Приведем примеры. В соответствующих формах статистических ежегодников по Смоленской губернии за 1914 и 1916 гг. имеются только две «национальные» графы – «евреи» и «поляки». Белорусов нет ни в скобках, ни без таковых. А процент русского населения в губернии уже достигал 98,4 % [24, с. 63; 25, с. 52].

Существенное преобладание «российской» идентичности над «белорусской» [8, с. 123] в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях показала и первая советская перепись населения 1920 г. В Смоленской губернии, по данным переписи 1920 г., из 2 083 465 чел. всего населения великороссы составляли 2 011 993 (96,56 %), белорусы – 54 700 (2,62 %), будучи второй по численности нацией [26, л. 24].

Как общее для всех уездов Псковской губернии правило – главную массу населения представляла собой великорусская национальность: от 92,8 % по Торопецкому уезду до 99 % в Опочецком. В среднем по губернии население великорусской национальности составляло 96,6 % [27, с. III]. Белорусов было 1 590 чел., что составляло всего 0,13 % населения губернии [27, с. 41–42]. Их значительно «обходили» по численности латыши – 10 тыс. чел., или 0,8 % населения губернии, и евреи – 8,5 тыс. чел., или 0,68 % населения.

На Брянщине белорусы также были третьими из национальных меньшинств – 3 646 чел., что составляло 0,33 % от почти 1 млн 100 тысяч населения губернии. Их «опережали» по численности украинцы – 4 929 чел. и особенно евреи – 11 821 чел.

В целом же Брянская губерния была, безусловно, великорусской – 97,6 % составляло русское население [28, с. 32–33, 34–35].

Но уже по прошествии всего пяти лет, т. е. в 1926 г., ситуация с белорусским населением в губерниях изменится еще более существенно: как по национальной принадлежности, так и особенно по языку. На Псковщине в 1926 г. в этнические белорусы себя зачислили более 34 тыс. чел, что составляло почти 2 % всего населения губернии, на Смоленщине, соответственно, – около 20,5 тыс. чел. или 0,89 %, на Брянщине – свыше 21 тыс. или 1,05 % населения губернии. Количество же белорусов по родному языку упало за это время катастрофически: до 0,24 % в Брянской губернии, 0,19 % – в Смоленской и вплоть до 0,07 % – в Псковской (см. табл. 1).

Основную причину таких этнических трансформаций следует искать в происходивших с конца XIX в. модернизационных преобразованиях в российских регионах, где разворачивались мощные процессы индустриального развития, создававшие благоприятные условия для различных социальных лифтов, в первую очередь для молодежи. В части исследуемых нами регионов, это в большей степени относилось к созданной в 1920 г. Брянской губернии. Фактически уже к тому времени о ней можно говорить как об индустриальной, а не сельскохозяйственной губернии. В одном только Бежицком уезде было средоточие значительного числа крупных предприятий: паровозо-вагоностроительный завод «Профинтерн» (14 тыс. рабочих), Людиновский паровозостроительный завод (4,5 тыс.), Радицкий вагоностроительный завод им. Урицкого (1,5 тыс.), Песоченский чугунолитейный (1,3 чел.), Сукремльский чугунолитейный (1 тыс.), всего – от 22 до 23 тыс. рабочих. Кроме этого, в уезде работали Песоченская фаянсовая фабрика, Дятьковская хрустальная, Бытошевская, Ивотская, Чернятинская стекольные фабрики и цементный завод [29, л. 110].

В Псковской губернии главным занятием населения оставалось земледелие, промышленность здесь не получила значительного развития, отмечает А. В. Филимонов. Однако тенденция на саморусификацию и здесь была очевидной. Автор показывает это на примере Невельского уезда, где позиции белорусов были традиционно крепкими. Читаем: «Экономика уезда носила ярко выраженный "потребляющий" характер:

хлеба собственного производства никогда не хватало, большое количество продуктов было привозным... Вследствие этого широкое распространение получили отхожие промыслы, и они были направлены отнюдь не в сторону Беларуси, а прежде всего Ленинграда, чему во многом способствовало удобное железнодорожное сообщение... Экономические связи с Беларусью были слабыми: оттуда уезд получал спички, а в Витебск отправлял некоторое количество рыбы, с Ленинградом же, наоборот, эта связь крепла. Все это не могло не сказаться на "русификации" белорусского населения и выходе из обращения белорусского языка» [16, с. 52–53]. Так, А. В. Филимонов приводит выводы комиссии, изучавшей «белорусский вопрос» в Невельском уезде в 1926–1927 уч. г.: «Белорусский язык, имевший в прошлом в Невельском уезде несомненно большие нормы, в течение последних 50 лет систематически и очень быстро вытесняется, т. к. все экономические связи населения Невельского уезда идут к северу (к Ленинграду)... Это определяет и направление эволюции языка, а значит население на белорусском языке в Невельском уезде будет уменьшаться, и потребность в нем тоже» [16, с. 53].

Также А. В. Филимонов подмечает важную деталь, которая нашла свое отражение в отчете о работе с белорусами в 1926/927 уч. году в Псковской губернии: «Основная масса белорусов в большой степени русифицировалась..., лишь весьма небольшой процент родителей-белорусов согласился на открытие для их детей чисто белорусских школ. Такое же отношение части взрослого белорусского населения и к белорусским культпросветучреждениям». И далее следует главное: «Если со стороны других национальностей в деле поднятия своей национальной культуры было проявлено много энергии, со стороны же белорусских масс, благодаря, может быть, их более низкому культурному уровню, энергии в этом направлении проявлено было мало или вовсе не было...» [16, с. 48–49]. Другими словами, российским белорусам белорусизация была не нужна. Их в полной мере устраивали русский язык и русские школы для обучения детей. Что было совсем наоборот в части украинизации, где украинские власти, как отмечает К. С. Дроздов, всемерно и настойчиво способствовали продвижению украинизации в российских регионах [10].

«И в самом деле, – заключает В. А. Филимонов, – несмотря на 9-летнее существование Советской власти, не было никакого требования со стороны самого белорусского населения, которое свидетельствовало бы о необходимости для белорусов иметь свои школы на своем родном языке. Выходило так, что сами белорусы как будто бы совершенно забыли свой родной язык [16, с. 48]. А ведь это был 1926 г., самый пик политики белорусизации!

На Смоленщине к концу 1920-х гг. местные власти также констатировали, что само белорусское население «уже настолько обрусело, что оно не придает белорусизации никакого значения» [26, л. 278]. К созданию школ на родном языке оно относилось «безразлично, а нередко и враждебно». Объяснение было весомым и рациональным: родители вполне обоснованно считали, что для будущей жизни, а тем более в России, детям нужен будет именно русский, а не белорусский язык.

Экспедиция фольклорно-диалектологической комиссии Института белорусской культуры, обследовавшая летом 1927 г. Смоленскую губернию, констатировала у проживавших в г. Смоленске белорусов наличие какой-то боязни чего-то, «будто их может кто-то наказать за то, что они – смоленские белорусы». Списывалось это на «наследие упорного, в продолжении двухсот с лишком лет, проведения “царской национальной политики”» [30]. В итоге минская комиссия вынуждена была констатировать, что население Смоленского уезда являлось «частью белорусского народа, хотя в большой степени срусифицированного» [30]. При этом сами смоляне-белорусы определяли свой статус так: «Мы не великороссы и не белоруссы, а смоляне» [14, с. 87].

Примечательно, что тенденция саморусификации имела место и в приграничных с РСФСР белорусских губерниях, особенно в уездах, еще недавно находившихся под российской юрисдикцией. Цифры табл. 2 по той же переписи 1926 г. очень показательны в части «языковой национальной идентичности». Перепад значений очень большой. Особенно по русской национальности. В белорусских приграничных землях в категорию русских по языку зачисляли себя далеко не только русские. Иначе не было бы такого перепада в значениях, как, например, в Оршанском округе – по национальности русских только 3,35 %,

а по языку – целых 30,30 %; или в Гомельском округе – около 37 % по национальности, и почти 80 % по языку.

Таблица 2

Численность русского и белорусского населения по переписи 1926 г.
в белорусских приграничных регионах
(по народности и языку, человек/процентов)

Округа	Русские		Белорусы		Всего населения
	по национальности	по языку	по национальности	по языку	
Полоцкий	14 791 4,57	47 660 14,72	278 759 86,07	252 873 78,07	323 861
Витебский	53 698 9,20	174 004 29,83	454 402 77,89	346 517 59,40	583 391
Оршанский	13 943 3,35	126 142 30,30	368 467 88,51	262 081 62,96	416 309
Калининский*	6 321 1,69	85 419 22,79	346 449 92,40	268 271 71,56	374 923
Гомельский	150 472 36,88	319 893 78,39	194 712 47,72	51 046 12,51	408 074

Сост. по: **Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.**: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. 99–102.

* Ныне г. Климовичи – районный центр в Могилевской области Беларуси.

Как видно из табл. 2, не менее впечатляющими выглядят цифры и по белорусам, хотя и в обратном порядке: фактически везде своим родным белорусский язык выбрало меньшее число белорусов из признавших себя таковыми по национальности. И здесь вновь «отличился» Гомельский округ – из почти 48 % белорусского населения белорусов по языку оказалось только 12,51 %, в Оршанском, соответственно, – 88,51 и 62,96 %, в Витебском – 77,89 и 59,40 %.

Конечно, эти цифры по российским и белорусским приграничным территориям сопоставлять напрямую было бы методически неверно. Тем не менее, они красноречиво свидетельствуют о возрастающей тенденции к саморусификации белорусов в приграничных регионах.

Аналогичной тенденция была и в целом по Советскому Союзу, где из 4 млн 740 тыс. белорусов непосредственно в БССР проживало около 85 % их общей численности. Вне Белорус-

сии проживало почти 722 тыс. чел., из которых в Сибири было свыше 320 тыс., в Европейской части РСФСР – 250 тыс. (из них в приграничных Псковской, Смоленской и Брянской губерниях – 47,5 тыс. человек) [31, с. VII]. Однако по родному языку даже в европейской части СССР, включая БССР, белорусов по языку было менее 72 %, а в восточных регионах Советского Союза процесс саморусификации фактически завершился – всего 0,11 % признавали белорусский своим родным языком (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность белорусского населения в отдельных регионах СССР по переписи 1926 г.
(по народности и языку, человек/процентов**)

Численность	По СССР	Регионы СССР			
		Европейская часть*	Закавказье	Средняя Азия	Прочие части СССР
По народности	4 738 200 100,00	4 343 200 91,66	3 800 0,08	29 600 0,62	361 600 7,63
По языку	3 466 900 73,17	3 409 000 71,95	30 -	7 200 0,16	5 040 0,11

* Включая БССР.

** В процентах от всей численности белорусов в СССР.

Сост. по: **Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.**: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. XXIV–XXV.

Обсуждение и выводы

Политическая суть белорусизации заключалась в стремлении Москвы противопоставить национальную политику СССР практике полонизации в Западной Белоруссии. В соответствии с партийными установками, белорусизация должна была иметь большое значение для зарубежной части белорусского населения, подпитывая революционное движение в белорусских окраинах Польши на фоне значительной поддержки белорусов в СССР, в том числе и в российских регионах. Однако с этим было все далеко неоднозначно. Местным властям так и не удалось преодолеть упорное нежелание самого «обрусевшего» белорусского населения приграничных российских губерний участвовать в процессах белорусизации. Не способствовало этому и слабое экономическое тяготение этих регионов к собственно

Белоруссии. При этом «техническая запись» себя в великороссы вовсе не означала физического сокращения самого белорусского этноса в приграничных российских регионах. Причисление себя к великорусской нации, в ареале проживания которой за это время развернулось грандиозное индустриальное строительство, предоставляло широкие возможности обустройства белорусского крестьянства в новых промышленных центрах России. При таком видении ситуации саморусификация белорусского населения может рассматриваться не иначе как прагматичное восприятие имевших место динамичных социально-экономических процессов на пространстве Советского Союза.

Список литературы

1. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. бывшего Смолен. отряда уравнения гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: Издвение Учен. комитета М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с.
2. Vakar N. P. *Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study.* – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956. – 297 p.
3. Vakar N. P. *The Belorussian People Between Nationhood and Extinction // Ethnic Minorities in the Soviet Union / ed. by Erich Goldhagen.* – New York: F. A. Praeger, Inc., 1968. – Pp. 218–229.
4. Снайдер Т. Реконструкция наций / пер. с англ. М. Вроцлав. М.: Летний сад, 2013. 409 с.
5. Rudling P. A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931.* – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. – 436 p. EDN: WSCLXD.
6. Маркава А. Шлях да савецкай нацыі. Палітыка беларусізацыі (1924–1929). Мінск: Галіяфы, 2016. 324 с.
7. Markova A. *Language, Identity, and Nation: The Special Case of Belarusian State and Nation-Formation // The Journal of Belarusian Studies.* – 2018. – Vol. 8. – Pp. 25–39.
8. Борисенюк Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 351 с.
9. Борисенюк Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. – 2013. – № 6. – С. 55–65. EDN: RSNCTP.
10. Дроздов К. С. *Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В. В. Тrepавлова. Вып. 9.* – М.: Институт российской истории РАН, 2022. – С. 204–225. EDN: LMPATK.
11. Короткова Д. А. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // *Славяноведение.* – 2018. – № 5. – С. 48–59. EDN: YNRRCH.
12. Кобец О. В. «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности) // *Известия СмолГУ.* – 2021. – № 1. – С. 199–217. EDN: VTТNXG.
13. Кодин Е. В., Кобец О. В. *Белорусизация в российско-белорусском приграничьи: Смоленщина, 1924–1929 гг. // Белорусская думка.* – 2019. – № 8. – С. 85–91.
14. Кодин Е. В., Кобец О. В. *Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Монография.* Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с. EDN: QSISJS.
15. Кодин Е. В., Кобец О. В. *Смоленщина, 1921–1925 годы: белорусизация сверху? // Известия Смоленского государственного университета.* – 2019. – № 2 (46). – С. 164–177. EDN: WLAIPE.
16. Филимонов А. В. *Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.) // Ученые записки УО ВГУ имени П. М. Машерова: сборник научных трудов. Т. 22.* – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова. 2016. – С. 45–55. EDN: XXNNYD.

17. Манаков А. Г. Российско-белорусское порубежье: Историко-географическая детерминация // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 169–176. EDN: QCVNPH.

18. Дементьев В. С. Характер расселения и этнический состав населения Псковского региона в период с 1926 по 1939 гг. // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 24. – С. 88–105. EDN: UNKELL.

19. История Брянского края. XX век / под ред. В. В. Крашенинникова. Клинцы: Клиновская городская типография, 2003. 449 с.

20. Крих А. А. Белорусизация в Тарском Прииртыше: механизмы учета населения и этнографическая «реальность» // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, 28–30 октября 2015 г. Вып. 9. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. – С. 124–128. EDN: UYOIZD.

21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, Кн. XI, Смоленская губерния. 1904. 258 с.

22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXIV. Псковская губерния. Тетрадь 2. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел / под ред. Н. А. Тройницкого. Б. м.: б. и., 1904. 171 с.

23. Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 7 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. 38 с.

24. Статистический ежегодник России 1914 г. Петроград. Издание центрального статистического комитета МВД. 1915. 632 с.

25. Статистический ежегодник России 1916 г. Петроград. Издание центрального статистического комитета МВД. 1916. 121 с.

26. Государственный архив Смоленской области. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.

27. Данные Всероссийской демографической переписи 28 августа 1920 года. Псковская губерния. Вып. II. Национальность, пол, грамотность. Псковское губернское статистическое бюро. Псков: «Псковский набат», 1923. 58 с.

28. Брянская губерния в цифрах: краткий статистический справочник по Брянской губ. / Брянское губернское статистическое бюро. Орел: Красная книга, 1924. 225 с.

29. Государственный архив Брянской области. Ф. 84. Оп. 1. Д. 542.

30. Рабочий путь. – 1927. – 19 августа.

31. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР. 1928. 138 с.

The Belarusians Self-Russification of in the Russian-Belarusian Border Area in the Late 19th – Early 20th Centuries: the Dynamics, Causes, Results

Olga V. Kobets

Since the late 19th century, the tendency of a significant decrease in the Belarusian part of the population of Russian regions has become apparent in the Russian-Belarusian border area. At the same time, it was not about physical reduction in the number of Belarusians, but about their self-inclusion in the Great Russian ethnic group or their choice of Russian as their native language. This process of self-Russification of Belarusians became even more intense in the 1920s. Comparative analysis of the national population censuses of 1897, 1920 and 1926 shows this in full. The main motive for the transition of Belarusians to the Great Russian nation and preference of Russian language for Bela-

rusian were the powerful modernization processes that unfolded in the central Russian regions during this period and created new social lifts for the Belarusian peasantry, primarily among the youth. The policy of Belarusization of the 1920s in the regions of the RSFSR with a compact population of Belarusians, including in the Russian-Belarusian borderlands, did not affect the dynamic processes of self-Russification in any way.

Key words: Korenization, Belarusization, Russian borderland, Great Russians, Belarusians, self-Russification.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859>.

For citation: Kobets, O. V. (2024) Samorusifikaciya belorusov v rossijsko-beloruskom prigranich'e v konce XIX – nachale XX v.: dinamika, prichiny, rezul'taty [The Belarusians Self-Russification of in the Russian-Belarusian Border Area in the Late 19th – Early 20th Centuries: the Dynamics, Causes, Results]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 24–40. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_24. EDN: CRPANW

References

1. Solov'ev, Y. (1855) (comp.) *Sel'skohozyajstvennaya statistika Smolenskoj gubernii* [Agricultural statistics of the Smolensk province]. Moscow: izhdiveniem Uchen. kom. M-va gos. Imushchestv. (In Russ.)
2. Vakar, N. P. (1956) *Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
3. Vakar, N. P. (1968) *The Belorussian People Between Nationhood and Extinction*. Ethnic Minorities in the Soviet Union. New York: F. A. Praeger, Inc. Pp. 218–229.
4. Snajder, T. (2013) *Rekonstrukciya nacij* [Reconstruction of nations]. Transl. M. Vroclav. Moscow: Letnij sad. (In Russ.)
5. Rudling, P. A. (2015) *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. EDN: WSCLXD.
6. Markava, A. (2016) *Shlyah da saveckaj nacyi. Palityka belarusizacyi (1924–1929)* [The path to the Soviet nation. The policy of Belarusization (1924–1929)]. Minsk: Galiyafy. (In Beloruss.)
7. Markova, A. (2018) Language, Identity, and Nation: The Special Case of Belarusian State and Nation-Formation. *The Journal of Belarusian Studies*. Vol. 8. Pp. 25–39.
8. Borisenok, YU. A. (2013) *Na krutyh povorotah belorusskoj istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Pol'shej i Rossiej v pervoj polovine XX veka* [At the sharp turns of Belarusian history: Society and the State between Poland and Russia in the first half of the 20th century]. Moscow: OOO "Rodina MEDIA". (In Russ.)
9. Borisenok, YU. A. (2013) *Pol'skij faktor v nacional'noj politike sovetskoj vlasti v Belorussii v 1920–1930-e gody* [The Polish factor in the national policy of the Soviet government in Belarus in the 1920s – 1930s]. *Novaya i novejšhaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. No. 6. Pp. 55–65. (In Russ.). EDN: RSNCTP.
10. Drozdov, K. S. (2022) *Belorusizaciya v Sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gg.: celi, metody i rezul'taty* [Belarusization in Soviet Russia in the 1920s – 1930s: goals, methods and results]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyah i dokumentah: K yubileyu V. V. Trepavlova* [The history of the peoples of Russia in research and documents: To the anniversary of V. V. Trepavlov]. Iss. 9. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. Pp. 204–225. (In Russ.). EDN: LMPATK.
11. Korotkova, D. A. (2018) «Ukrupnenie BSSR» v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vliyaniya v Pol'she [The "Consolidation of the BSSR" in 1923–1924: the factor of Soviet influence in Poland]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. No. 5. Pp. 48–59. (In Russ.). EDN: YNRRCH.
12. Kobec, O. V. (2021) «Prigovorenyye k belorusizacii»: smolenskie belorusy v 1920-e gody (k voprosu o chislennosti) ["Sentenced to Belarusianization": Smolensk Belarusians in the 1920s (on the issue of numbers)]. *Izvestiya SmolGU* [Izvestia SmolGU]. No. 1. Pp. 199–217. (In Russ.). EDN: BTTNXG.

13. Kodin, E. V., Kobec, O. V. (2019) *Belorusizatsiya v rossijsko-belorusskom prigranich'i: Smolenshchina, 1924–1929 gg.* [Belarusization in the Russian-Belarusian border area: Smolensk region, 1924–1929]. *Belorusskaya dumka* [The Belarusian Duma]. No. 8. Pp. 85–91. (In Russ.)

14. Kodin, E. V., Kobec, O. V. (2021) *Belorusizatsiya na Smolenshchine, 1920-e gody* [Belarusization in the Smolensk region, 1920s]. Smolensk: Izd-vo SmolG U. (In Russ.). EDN: QSIJSJ.

15. Kodin, E. V., Kobec, O. V. (2019) *Smolenshchina, 1921–1925 gody: belorusizatsiya sverhu?* [Smolensk region, 1921–1925: Belarusization from above?]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University]. No. 2 (46). Pp. 164–177. (In Russ.). EDN: WLAIPE.

16. Filimonov, A. V. (2016) *Belorusy v Pskovskom krae (1920-e gg.)* [Belarusians in the Pskov Region (1920s)]. *Uchenye zapiski UO VGU imeni P. M. Masherova: sbornik nauchnykh trudov* [Scientific notes of the UO VGU name of Masherov: collection of scientific papers]. Vol. 22. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. Pp. 45–55. (In Russ.). EDN: XXNNYD.

17. Manakov, A. G. (2013) *Rossijsko-belorusskoe porubezh'e: Istoriko-geograficheskaya determinatsiya* [Russian-Belarusian borderlands: Historical and geographical determination]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Journal]. No. 16. Pp. 169–176. (In Russ.). EDN: QCVNPH.

18. Dement'ev, V. S. (2015) *Harakter rasseleniya i etnicheskij sostav naseleniya Pskovskogo regiona v period s 1926 po 1939 gg.* [The nature of settlement and the ethnic composition of the population of the Pskov region in the period from 1926 to 1939]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Journal]. No. 24. Pp. 88–105. (In Russ.). EDN: UNKELL.

19. Krasheninnikov, V. V. (2003) (ed.) *Istoriya Bryanskogo kraja. XX vek* [The history of the Bryansk region. 20th century]. Klincy: Izdatel'stvo Klincovskoj gorodskoj tipografii. (In Russ.)

20. Krih, A. A. (2015) *Belorusizatsiya v Tarskom Priirtysh'e: mekhanizmy ucheta naseleniya i etnograficheskaya «real'nost'»* [Belarusization in the Tarsky Irtysh region: population accounting mechanisms and ethnographic "reality"]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorij: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 25-letiyu centra ustroj istorii i etnografii laboratorii istoricheskogo kraevedeniya Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ethnography of Altai and adjacent territories: Materials of the international scientific conference dedicated to the 25th anniversary of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local Lore of the Altai State Pedagogical University]. Barnaul, 28–30 October 2015. Iss. 9. Barnaul: Altajskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, Pp. 124–128. (In Russ.). EDN: UYOIZD.

21. Trojnickij, N. A. (1897) (ed.) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.* [The first general population census of the Russian Empire 1897]. Books 1–89. B. XL, Smolensk District. St. Petersburg: izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del. (In Russ.)

22. Trojnickij, N. A. (1904) (ed.) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. XXXIV. Pskovskaya guberniya. Tetrad' 2* [The first general population census of the Russian Empire, 1897 XXXIV. Pskov province. Notebook 2]. (In Russ.)

23. Trojnickij, N. A. (1905) (ed.) *Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam, s ukazaniem chisla lic preobladayushchih rodnym yazykov* [The available population of both sexes by county, indicating the number of persons of the predominant native languages]. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.* [The first general population census of the Russian Empire, 1897]. Iss. 7. St. Petersburg: parovaya tipo-lit. N. L. Nyrkina. (In Russ.)

24. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1914 g.* (1915) [Statistical Yearbook of Russia, 1914]. Petrograd. Izdanie central'nogo statisticheskogo komiteta MVD. (In Russ.)

25. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1916 g.* (1916) [Statistical Yearbook of Russia, 1916]. Petrograd. Izdanie central'nogo statisticheskogo komiteta MVD. (In Russ.)

26. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti* [State Archives of the Smolensk Region]. F. R-19. Op. 1. D. 4748. (In Russ.)

27. *Dannye Vserossijskoj demograficheskoy perepisi 28 avgusta 1920 goda. Pskovskaya guberniya. Vypusk II. Nacional'nost', pol, gramotnost'* (1923) [Data from the All-Russian Demographic Census on August 28, 1920. Pskov province. Issue II. Nationality, gender, literacy]. Pskovskoe gubernskoe statisticheskoe byuro. Pskov: «Pskovskij nabat». (In Russ.)

28. *Bryanskaya guberniya v cifrah: Kratkij statisticheskij spravочnik po Bryansk gub* (1924) [Bryansk province in numbers: A brief statistical guide to the Bryansk province.]. Bryanskoe gubernskoe statisticheskoe byuro. Orel: Krasnaya kniga. (In Russ.)

29. *Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti* [State Archives of the Bryansk Region]. F. 84. Op. 1. D. 542. (In Russ.)

30. *Rabochij put'* [Working way]. 1927. 19 August. (In Russ.)

31. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki. Вып. 4: Narodnost' i rodnoj yazyk naseleniya SSSR (1928)* [The All-Union population Census of December 17, 1926: brief summaries. Issue 4: Nationality and native language of the USSR population]. Moscow: Izdanie CSU SSSR. (In Russ.)

Об авторе

Кобец Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой, Смоленский государственный университет спорта, г. Смоленск, Российская Федерация; e-mail: cobets.olga@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6058-160X

About the author

Kobets Olga V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Postgraduate Studies, Smolensk State University of Sports, Smolensk, Russian Federation; e-mail: cobets.olga@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6058-160X

*Статья поступила в редакцию 05.07.2024
Одобрена после рецензирования 10.09.2024
Принята к публикации 18.09.2024*